

быть, он назван был директором маскарада, но об этом ни документальных, ни свидетельских данных не имеется. Наконец, третье, и, пожалуй, самое важное замечание. Текст «Другого хора» по «Русскому вестнику», если исключить опущенные по цензурным соображениям стихи, полностью совпадает с текстом «Собрание сочинений», за вычетом одного только места, и то такого, которое несомненно искажено было у Новикова. Стихи 7—9 в «Полном собрании» выражены в следующей форме:

Все там превратно на свете:
За морем Сократы добронравны,
Каковых и здесь мы выдаем.¹

Неточность смысла в последнем стихе очевидна: если «все там превратно», то как же могут быть «Сократы там добронравны», «Каковых и здесь мы выдаем»? В тексте «Русского вестника» дается иное чтение:

За морем Сократы добронравны,
Каковых мы здесь не выдаем.

Здесь сатирическая заостренность дана в отчетливой форме. Но возникает вопрос, кому принадлежит это чтение, автору ли статьи в «Русском вестнике», или же оно было в подлинной рукописи? Отсутствие каких бы то ни было других разночтений наталкивает на мысль о том, что рукопись «Русского вестника» идет от «сочинений» Сумарокова, а не наоборот, или как-нибудь в этом роде. Иными словами, что кто-либо из лиц, знавших, что текст, включенный в «хоры, первые на большом маскараде», напечатанные в «Полном собрании сочинений» Сумарокова, принадлежит Волкову, списал его из новиковского издания и лишь снабдил заголовком, поясняющим авторство актера.

Могло ли быть ошибкой приписание Волкову авторства этого хора? Могло, конечно. Но то обстоятельство, что данное сочинение приписывается не крупному писателю, а мелкому, методологически очень важный довод в пользу авторства именно Волкова. Сравнительное текстоведение или сравнительное изучение текстов показывает, что нормальный, естественный путь всяких приурочиваний анонимных произведений идет по линии атрибуции их крупным, а не мелким, литературным деятелям. Наоборот, в подавляющем числе случаев приписание анонимного

¹ Полн. собр. соч., т. VIII, стр. 339.